

ЭТНОМОБИЛИЗИРУЮЩИЙ ФАКТОР ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА В ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ

Вячеслав СТЕПАНОВ

Ключевые слова: Язык, языковое законодательство, Республика Молдова, Приднестровье, Гагаузия, русскоязычное население, румыноязычное население, языковая политика
Բանալի բառեր՝ Լեզու, լեզվի օրենքներ, Մոլդովայի Հանրապետություն, Մերձդնեստր, Գագաուզիայի, ռուսախոս բնակչություն, ռումինախոս բնակչություն, լեզվական քաղաքականություն
Keywords: Language, language legislation, Republic of Moldova, Transnistria, Gagauzia, Russian-speaking population, Romanian-speaking population, language policy

ԱՆԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՏԱՐԻՆԵՐԻՆ ԼԵԶՎԻ ԷԹՆՈՍՈՒԲԼԻԶԱՑՄԱՆ ԴԵՐԸ ՍՈՒԴՈՎԱՅԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՕՐԻՆԱԿՈՎ

Վ. ՍՏԵՓԱՆՈՎ

Հոդվածում վերլուծվում է Մոլդովայի Հանրապետությունում տիրող էթնո-լեզվաբանական իրավիճակը, որը ձևավորվել է Խորհրդային Միության փլուզումից հետո հասարակության մեջ տեղի ունեցած փոփոխությունների ընթացքում: Հեղինակը ուշադրություն է հրավիրում այն փաստի վրա, որ լեզվական հարցը Մոլդովայում դարձել է քաղաքացիական ազգային դիմակայման սկզբնապատճառներից մեկը և այն մինչև հոդվածի՝ տպագրության հանձնելը լուծված չէ:

ETHNOMOBILIZING FACTOR OF LANGUAGE ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA IN THE YEARS OF INDEPENDENCE

V. STEPANOV

The article analyzes the ethno-linguistic situation in the Republic of Moldova which developed during the transformation processes in society, after the collapse of the USSR. The author draws attention to the fact that the language issue in Moldova has been the catalyst and one of the root causes of ethnic confrontation between citizens. The language issue in Moldova has not been resolved until the release of this article in print.

Анализируется этноязыковая ситуация в Республике Молдова, которая сложилась в ходе трансформационных процессов в обществе, после распада СССР. Автор обращает внимание на то, что языковой вопрос в Молдове стал катализатором и одной из первопричин этногражданского противостояния. Нерешенность языкового вопроса дает о себе знать вплоть до времени представления данной статьи в печать.

В Молдавии, в отличие от ряда других союзных республик, не требовалось знания языка молдаван. Поэтому в республику приезжало много специалистов из всех уголков необъятного СССР. Была она притягательной и для военных пенсионеров, выбиравших ее из-за мягкого климата, лояльного населения и русскоязычного благопритствования. Старые работники Госплана МССР рассказывали автору историю, которая в определенном смысле характеризовала время конца 70-х гг. Во время очередной московской комиссии ответственному сотруднику названной организации задали вопрос: «А как у вас обстоит дело с миграцией населения?» Последовавший краткий ответ четко охарактеризовал общие тенденции: «Все приезжают, и никто не уезжает!». Здесь необходима небольшая поправка. С середины 70-х гг. начинается первая волна исхода на Запад (причем необязательно в Израиль) лиц еврейской национальности. В силу многовековых гонений евреи выработали в себе умение чувствовать последствия трансформаций и негатив времени. Условно говоря, они выступают в качестве своеобразной «лакмусовой бумажкой» стабильности. Если начался отъезд евреев, значит в обществе нестабильно. Получается, выигрывают те сообщества, в которые евреи приезжают. Молдова, как известно, еврейской реэмиграции еще не испытала. Это, впрочем, отдельные подобиности...

Вообще складывавшаяся в тот период ситуация сыграла злую шутку с русскоязычным населением. Молдаване, в условиях активного распространения русской культуры и языка, даже у себя на родине в подавляющей массе овладели русским языком и тем самым стали активными билингвами, чего не скажешь о русскоязычных жителях Молдавии. Получилось так, что русский

язык в республике освоили все. И сами молдаване, и представители других этнических сообществ и этносов: украинцы, болгары, евреи, гагаузы... Но, при этом, как говорилось выше, знать молдавский язык было необязательно. Конечно, отдельные примитивные слова и выражения, безусловно, осваивались и использовались, но это было без особой надобности, ведь все родители, желавшие своим детям больших возможностей, стремились обучить их, прежде всего русскому языку. Он тогда открывал дорогу в мир огромной страны. Получилось, что молдавский язык активно использовался только в среде этнических молдаван, прежде всего в местах их компактного проживания, а также культурной интеллигенции, сформированной советской системой в первую очередь из лиц молдавского происхождения. Что касается жителей республики других национальностей, то они, наряду со своим родным языком, использовали еще и русский, а в общении с большим миром – только русский.

Эта сторона этноязыковой модели до сих пор является характеристикой той части сообщества, которое использует для обучения своих детей школы с русским языком обучения. И здесь даже трудно вычленить основную причину. Поначалу объяснение пытались найти в глухом сопротивлении русскоязычных навязыванию новой языковой схемы; затем начали всё списывать на отсутствие отработанных учебных методик; говорилось даже о заинтересованности молдавской/румынской элиты в том, чтобы ограничить конкуренцию русскоязычных в доступе к органам управления, где знание государственного языка обязательно, а неопределенный статус русского не имеет определяющего значения.

К концу истории Советской Молдавии сложилась такая ситуация, когда двести тысяч этнических молдаван обозначили в последней переписи 1989 г. русский язык в качестве родного. Автору самому приходилось слышать реакцию человека, рожденного в смешанной семье, который в разговоре с соседом на вопрос, почему он не учит ребенка молдавскому языку, удивился: «А зачем?..» На дворе был 1981 г.

Другой не менее показательный пример. В русскоязычную городскую семью с маленьким ребенком взяли девушку из молдавского села. Она прожила несколько лет в семье, помогла присматривать за малышом. Подготовилась и поступила в техникум. Устроила свою жизнь. При этом девушка в совершенстве овладела русским языком, а ребенок из русскоязычной семьи, несмотря на несколько лет общения с няней и свой отнюдь не младенческий возраст (5–8 лет), по-молдавски так и не заговорил, хотя его родители ничего не имели против этого. На вопрос, заданный девушке, почему она не говорила с малышом по-молдавски, был получен следующий ответ: «Ему он (молдавский) не нужен, а мне без русского жизнь не устроить» (1976 г.).

Еще один показательный факт. Молдавский язык в качестве обязательного предмета изучали с пятого класса во всех русских школах МССР. А вот по-настоящему овладевали им к выпускному классу лишь единицы. Молдавский язык, как и иностранный, в тот период времени не имел социальной мотивации к изучению. Самая лучшая система образования в мире (это автор утверждает без всякой иронии) не могла изобрести аргумента, стимулирующего изучение языка, имевшего ограниченное использование. Ситуация мало изменилась и в настоящее время. В Стратегии интеграции национальных меньшинств Республики Молдова на 2015–2020 годы, в п. 2.3.2, в частности, подчеркивается: «Хотя преподавание государственного языка является обязательным во всех школах, молодые представители национальных меньшинств зачастую слабо владеют государственным языком, что препятствует интеграции и ограничивает доступ к публичной сфере»[17].

Тонко чувствующий социальную нить времени писатель Михаил Веллер в своем произведении «Легенда о стажере» приводит меткое наблюдение относительно того, что языковая «программа была составлена таким образом, что понимать они (учащиеся – В. С.) могли друг с другом только преподавателей». Далее писатель продолжает: «Исходили из того, что язык, как и вообще любая наука, – дело наживное и не самое главное. Главное – чтоб человек был хороший: наш, правильный. Как было записано во всех методиках – что такое советский специалист? Во-первых, это специалист, овладевший в полном объеме марксистско-ленинским мировоззрением, и уже во-вторых, – всем остальным. Именно вот так это было записано, черным по белому, и никакого преувеличения, шаржа и прочего стеба здесь нет. Правда, суровая правда»[5, с. 60].

Художественная передача особенностей той действительности, отмеченных писателем, справедливо подчеркивает отношение к изучению иностранных и региональных языков в СССР. И те и другие становятся языками «не для всех». Первые – в связи с политикой ограничения контактов советских граждан с зарубежьем, вторые – по причине необязательности владения, за исключением мест компактного проживания и региональной этнополитической специфики. В Советской Молдавии, по крайней мере, владение молдавским языком, особенно в городе, становится необязательным [5, с. 60].

Зато русским языком в молдавской школе к завершению образования овладевали практически все выпускники.

Таким образом, ко времени изменения языковой схемы (Языковая схема с превалированием русского языка начала складываться в крае с начала XIX столетия и просуществовала до распада СССР), мажоритарное этническое большинство оказалось в более выигрышном положении. Его представители владели как своим, родным, но уже государственным – молдавским языком, так и русским языком (который на переходном этапе часто именовали «языком оккупантов» – здесь остается только иронизировать: те, которые так говорили, по крайней мере, язык своих оппонентов знали практически в совершенстве). В отличие от молдаван, представители русскокультурной части населения оказались в иной ситуации. В их среде оказались распространены их этнические языки и русский. Следовательно, огромная масса населения, одна треть жителей республики, по сути, оказалась на обочине политической жизни страны.

Важно отметить, что перевод молдавского языка на латинскую графику стал одним из мощнейших рычагов, способствовавших распространению идеи общерумынского языкового пространства и нивелирования ценностей молдавской культуры и молдавского языка в частности. Именно сторонники молдавского возрождения сами содействовали распространению письменности на основе латинской графики. Данный шаг благоприятствовал оформлению и дальнейшей позитивной эволюции идеи общерумынского языкового пространства и активной румынизации сообщества Молдовы. Это первоначально позволило сторонникам румынизма выдвинуть идею о том, что Республика Молдова представляет собой второе румынское государство [25]. Можно констатировать, что под влиянием активной румынизации, особенно нацеленной на молодое поколение, в том числе при использовании системы образования в Молдове и многотысячных вакансий для обучения молдавских студентов в соседней Румынии, на протяжении всего периода независимости данная идея планомерно воплощалась в жизнь [21; 6]. Анализ сложившейся ситуации позволил также выявить тот факт, что Республика Молдова своей языковой политикой на государственном уровне способствовала укреплению имиджа второго румынского государства [18].

Принятый в 1989 г. законодательный акт о государственном и других языках определял характер защиты языков, устанавливал порядок контроля и ответственности за несоблюдение положений этого документа.

По большому счету, данный закон, принятый на закате Советской власти, выступил не только в качестве лингвистического кредо трансформирующейся Молдовы, он изменил вектор межнациональных отношений и лег в основу последующих многочисленных нормативно-правовых актов, в том числе и новой Конституции.

Перевод молдавского языка на латинскую графику оказался неожиданным как для национальных меньшинств, так и для большинства представителей молдавского этноса. Латинская графика, введенная в тот период, привела к резкому сокращению компетентного понимания языка не только этническими меньшинствами, но и большинством молдаван, прежде всего в сельской местности. Во время поездок в ежегодные этнографические экспедиции в разноэтничные села Молдовы автор неоднократно констатировал, что старшее поколение в возрасте после 50 лет практически не читает молдавские газеты, потому что не понимает латинской графики, особенно это заметно в селах, где проживают представители нацменьшинств.

Общество оказалось разделенным и по экономическим приоритетам (началось резкое социальное расслоение), и по языковому признаку. Четко выделились две большие группы населения: молдоязычные и русскоязычные, причем обе эти группы были полиэтничны. В процессе дальнейшей этнополитической трансформации молдавская часть населения, в свою очередь,

разделилась на молдоязычную часть и «элитарную» (ценности румынской идентичности получили свое изначальное проявление в среде интеллигенции) румыноязычную.

В отличие от Конституции 1978 г. (в процессе обсуждения проекта которой не было поддержано [3, с. 233] поступившее от Союза писателей Молдавии предложение о предоставлении молдавскому языку статуса государственного), Закон о языках 1989 г. обеспечивал статус государственного языка на основе латинской графики только молдавскому языку. Произошла своего рода рокировка лингвистических ценностей. Впервые за последние 200 лет (исключая межвоенный период 1918–1940; 1941–1944) была осуществлена попытка ограничить официальное влияние русской культуры и языка. Это, естественно, не могло не сказаться на ценностных ориентирах как мажоритарного этноса в Молдове, так и национальных меньшинств. Закон «О функционировании языков» предопределил будущий этноязыковой расклад в Молдове на последующую перспективу развития. Этот документ является основным нормативным актом, регулирующим сферу функционирования языков на территории, которую контролируют власти Кишинева. Его знаковость заключается в том, что он, по сути, явился тем самым детонатором, который изменил привычную (идеальных схем просто нет) языковую схему, существовавшую в республике на протяжении последних двух столетий. Любая смена языковой схемы влечет за собой болезненный процесс, особенно остро переживаемый несколькими поколениями, которым довелось жить во время перехода. Изменение самой системы ценностей с социалистических на капиталистические создало дополнительные трудности. Одним из характерных аспектов переходного времени стали межэтнические конфликты, которые не обошли и Молдову (об этом еще будет идти речь далее).

Наглядный пример – ситуация на Украине, где внутри одного народа происходит внутренний конфликт (к сожалению, с применением оружия). Молдова, которая исторически близка к Украине, также сталкивается с реалиями цивилизационного разлома.

Переход на латинскую графику затронул глубинные рычаги идентичности и культурной стратификации. Латинизация общества, начатая в 90-е гг., сегодня уже принесла свои плоды и сопряжена, соответственно, с европеизацией сознания части населения, прежде всего, молодежи. Внедрение латинской графики стало причиной дополнительного раскола внутри мажоритарного этноса, особенно его элиты, часть которой стала идентифицировать себя с румынами. Тем самым молдавскость утратила важнейший козырь собственной уникальности – кириллическую графику. Внедрение латиницы так или иначе затруднило общение между титульным этносом и национальными меньшинствами, материнские государства которых сохранили кириллическое письмо. Важно отметить, то под мощное влияние латинизации попали и гагаузы – малочисленный народ, компактно проживающий на юге Молдовы и в ряде населенных пунктов юга Украины.

Необдуманность быстрого перевода письменности гагаузов на латиницу констатировал экс-башкан Гагаузии Михаил Формузал: «Мы неоправданно быстро пошли по пути перехода на латинскую графику», – констатировал политик [8]. Напомним, что самые ранние сведения о гагаузской письменности восходят к началу XIX в. Но это были эпизодические прецеденты [22, с. 6-7.]. Гагаузский язык относится к младописьменным.

Протекающие в республике этноязыковые процессы (латинизация и румынизация в Кишиневе, русификация и ориентация на Россию в Тирасполе) в определенной степени сделали жителей юга республики заложниками обстоятельств.

Под напором мобилизованного лингвизма, ставшего лозунгом и идеологией начала 90-х гг. XX в., этнополитическая атмосфера в бывших союзных республиках, в том числе в Молдове, резко изменилась [10, с. 33].

Вообще язык как мощный фактор этнической мобилизации проявил себя во многих странах новых демократий на постсоветском пространстве. Но, наверное, нигде он не доходил до столь яркой демонстрации своего знакового проявления, как в независимой Молдове. Достаточно показательно то, что гимн в молдавском государстве посвящен не его земле, а языку. Причем его название в стихах великого Алексея Матеевича не определено: в произведении используется выражение «наш язык». Это дает основание сторонникам молдавской идентичности, равно как и адептам румынской идеи, считать его своим (Гимн на слова А. Матеевича «Лимба noastră» («Наш язык») сменил в 1994 г. композицию «Deșteaptă-te române» («Пробудись, румын»), которая в настоящее время продолжает оставаться гимном Румынии).

Сложившаяся в Республике Молдова ситуация напоминает страны раннего Средневековья, когда в период распада ранних форм государственности в Европе возникали удельные княжества, одной из характеристик которых являлось сохранение культурных региональных ценностей. Таким образом, разбившись на «удельные территории» – Приднестровье, Гагаузию, население маленькой Молдовы стало оказывать сопротивление изменению языковой схемы в республике и трансформации культурного кода. Насколько долго продлится подобный расклад, покажет время.

Определенному консервированию этносоциальных процессов способствует соседствующий с регионализмом провинциализм. Последний, с одной стороны, можно рассматривать как тормозящую развитие сообщества данность, а с другой, он в немалой степени способствует консервации ценностей и сохранению культурного кода.

Трансформационные процессы, переживаемые в Республике Молдова, после распада Советской системы, естественно, сказались на системе образования. Начнем с того, что изменилась сама языковая схема в стране. Русский язык утратил свое прежнее более широкое распространение. Документально он зафиксирован в качестве такового в уже упомянутом Законе о функционировании языков 1989 г., принятом еще в Советской Молдавии, и, по сути, является условно функционирующим в новом государстве под названием Республика Молдова. Второй документ – Концепция национальной политики Республики Молдова (01.01.2004 в Monitorul Oficial, nr. 1-5, статья № 24), со ссылкой на «действующее законодательство» (п. I вышеназванной Концепции), также обозначил статус русского языка как языка межнационального общения. Но дальше этого дело не пошло, и «подвешенный» статус русского языка вплоть до настоящего времени продолжает серьезно влиять на дестабилизационные процессы, особенно с учетом специфики регионов республики (Приднестровье, Гагаузия).

В Конституции декларируется равенство граждан «перед законом и властями независимо от расы, национальности, этнического происхождения, языка, религии» и т. п. (ст. 16.). Ст. 17–19 определяют гражданскую идентичность, в ст. 35, освещающей право на образование в республике, говорится, что «государство обеспечивает в соответствии с законом право лица на выбор языка воспитания и обучения». Неразрешенный конфликт с Приднестровьем и противостояние в южных районах республики, в местах компактного проживания гагаузов, заставили аграриев (депутатов от аграрно-демократической партии) сделать соответствующие выводы и включить в Конституцию (ст. 111) регламентирующую возможность обретения «особых форм и условий автономии в соответствии с особым статусом, установленным органическими законами». Конституция принималась в уже расколотой молдо-приднестровским конфликтом стране. Выстрелы звучать перестали, но неурегулированность и противостояние сохранялись. В этих непростых условиях принимается новая Конституция, действие которой распространяется лишь на Пруто-Днестровские регионы. Причем сложилась парадоксальная ситуация, когда, как отметил исследователь М. Н. Губогло, Конституцию Республики Молдова принимал Парламент Молдовы, в котором не было ни одного представителя от Приднестровья, жители же левого берега активно строили свою государственность. Подобного рода подход сохраняется и в настоящее время. Сегодня среди парламентариев нет, например, ни одного украинца, который бы защищал интересы своего этнического сообщества, о русских вообще речь не идет.

Первая половина 90-х ознаменовалась противостоянием не только между двумя берегами Днестра, но и в самой столице Молдавии. Импульс к нагнетанию напряженности придал тот же языковой вопрос, который привел к появлению разнополярных организаций в Кишиневе в форме «Народного фронта Молдовы» (национал-радикальной направленности). Подобного рода организации возникали тогда практически во всех союзных республиках накануне распада большой страны, что позволяет сделать вывод о целенаправленной и подготовленной системе раскола Союза по национальному признаку. В качестве антагонистического Народному фронту объединения выступило интернационалистское Движение «Унитате–Единство». На юге страны весной 1988 г. образуется дискуссионный клуб «Гагауз халкы», который годом позже становится политической партией, возглавившей борьбу гагаузов за создание Гагаузской автономии еще в составе МССР. Следует напомнить, что гагаузское население компактно проживает в молдавском и украинском Буджаке вместе с переселившимся с ним в одно время, в конце XVIII – первой трети XIX в., болгарским населением. Общность исторических судеб, длительность совместного проживания в

Буджакской степи способствовали укреплению контактов между представителями этих двух этнокультурных сообществ, сформировали атмосферу симпатии и взаимопонимания. Потому понятно включение болгар (проживающих в соседнем Тараклийском районе Республики Молдова и симпатизирующих процессам, начавшимся в 1988–1989 гг.) в процесс этнополитического строительства гагаузов.

Сама идея болгаро-гагаузской автономии впервые возникла еще в 1924 г. Тогда, после освобождения Бессарабии, вопрос создания такой автономии был озвучен в «докладной записке о необходимости создания Молдавской Советской Социалистической Республики», подготовленной Г. Котовским, П. Ткаченко и группой румынских коммунистов. Данный документ рассматривался в ЦК РКП(б) и в ЦК КП(б) Украины [23, с. 313] (Шорников П. М. Социально-политическое положение гагаузов в 20–40-х годах XX века // История и культура гагаузов. Кишинев, 2006. С. 313). После возвращения Бессарабии в состав России (СССР) многие участники данного процесса были репрессированы. В ходе оформления Молдавской Советской Социалистической Республики произошло национально-территориальное размежевание между молдаванами и украинцами. В состав Украины были включены районы МАССР с преобладавшим украинским населением, а также Измаильский, Килийский, Аккерманский и часть Хотинского уезда Бессарабии. Территория компактного проживания болгар и гагаузов оказалась поделенной между УССР и МССР [23, с. 322].

Позже, в 1957 г., известный молдавский историк-болгарист И. И. Мещерюк в письмах, адресованных Первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву, предложил создать Болгаро-Гагаузскую автономию, а позже (в другом обращении) – болгаро-гагаузский национальный округ или область [11, с. 83-84].

Данная инициатива была болезненно воспринята представителями среднего звена партийного руководства, особенно на Украине [11, с. 84], которая в недавнем прошлом пополнила свои территории названными уездами, ранее входившими в состав Бессарабии. В дальнейшем, вплоть до 1989 г., гагаузская тема была закрыта.

Истоком особого внимания к гагаузской проблеме и к происходящему на юге Молдовы послужил прецедент организации знаменитого волонтерского похода на гагаузов (25–30 октября 1990 г.), который возглавил политический авантюрист в должности премьер-министра республики М. Друк.

Властям все же хватило политического здравомыслия и воли остановить назревающий конфликт. В немалой степени нормализации ситуации способствовали войска МВД СССР, защитившие население Гагаузии. Следует учитывать еще один фактор. В тот период рабочий класс и крестьянство отличались серьезной организованностью. Нельзя забывать, что на них многие годы оказывала влияние компартия и советская идеология. Воспитанные в духе патриотизма и интернационализма рабочие и отдельные крестьянские коллективы выступили в поддержку гагаузов. Так поступили и тираспольчане, отправившиеся на помощь гагаузам, вооружившись всего лишь подручными средствами защиты.

Руководство Кишинева также понимало, что с двумя очагами напряженности, в Тирасполе и в Комрате, ему не совладать. Все это в немалой степени способствовало тому, что на юге Молдовы было создано беспрецедентное автономно-территориальное образование – АТО Гагаузия (Гагауз Ери).

С началом гражданского конфликта на Украине в Молдове активизировалось внимание к южному направлению, особенно после кровавых событий в одесском Доме профсоюзов в 2014 г. [20]. Обозначилось движение за создание Бессарабской республики Буджак, которая должна была включить в свой состав часть Одесской области и молдавскую Гагаузию [16]. В новостях появились мнения сторонников и противников этого движения. Возникшее движение вызвало реакцию и со стороны болгар, которые компактно проживают на юге Молдовы и в Одесской области Украины [4]. Прокатилась волна сообщений, подчеркивающих действия спецслужб Украины и Молдовы в отношении лидеров данной республики [9; 12].

Нагнетание этнополитической обстановки с вовлечением в нее Гагаузии вызвало негативную реакцию и заявление официальных властей автономии: «"Слухи о создании на юге Молдовы некой «Республики Буджак» вызваны острым социально-экономическим и политическим кризисом. И

появлением внутреннего врага граждан попросту пытаются отвлечь от имеющихся в стране проблем».

Об этом говорится в «совместном заявлении, принятом в четверг, 26 ноября, Народным собранием и Исполнительным Комитетом Гагаузии». «Представители исполнительной и законодательной власти региона заявляют о своей "глубокой озабоченности" в связи с развязыванием очередной "пиар-кампании", целью которой является "дискредитация Гагаузской автономии"» [7].

Гагаузия как и Приднестровье сохранили в своем региональном законодательстве статус и реальную наполняемость русского языка как официального, тем самым серьезно отличаясь от Кишинева, который внедряет в качестве государственного языка только молдавский, официально переименованный в недавнем времени (2014) решением Конституционного суда в румынский [15]. После этого принятия этого акта начался новый виток сокращения школ с обучением на русском языке. Всего в Молдове (без учета ПМР) насчитывается сегодня 240 школ с обучением на русском языке и 84 смешанных школы с русскоязычными классами (русско-молдавские, русско-гагаузские, русско-украинские и др.). Для сравнения: в 1999/2000 г. в стране насчитывалось около 300 русскоязычных школ и более 100 билингвальных [24].

Первый мощный звонок прозвучал в 2011 г. [2]. В дальнейшем ситуация стала ухудшаться. 2013 г. характеризуется парадом конфликтных ситуаций, связанных с закрытием или регламентаций учебных заведений с русским языком обучения [2; 19; 13; 14].

В Приднестровье сложилась несколько иная ситуация. Из общего количества посещающих государственные и негосударственные организации дошкольного и общего образования 85,7% детей обучаются и воспитываются на русском языке, 11% – на молдавском языке, 1,5% – на украинском языке и 1,7% – на румынском (6 школ). Всего в Приднестровье 158 дошкольных учебных заведений, 178 дневных общеобразовательных учреждений государственной и негосударственной форм собственности.

Цифры и факты позволяют утверждать, что этнокультурные ориентиры Кишинева и Тирасполя, дежурноходящих в одной стране, значительно отличаются друг от друга. По-прежнему непростой остается обстановка в Гагаузии.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Агапкина И. Эпидемия безответственности // Русское слово, 2011, № 33 (341). С. 4-5).
2. Агапкина И. Под лингвистическим прессом оказалась русская группа дурлештского детсада № 2». Русское слово», 2013, № 8 (414). С. 12.
3. Бойко П. А. О Конституции МССР 1978 г. // Вехи молдавской государственности. Кишинев: Ассоциация ученых Молдовы им. Н. Спэтарул Милеску, 2000. С. 233.
4. Болгары требуют от официального Киева прекратить репрессии в отношении своих соотечественников // <http://www.1tv.ru/news/world/283978> (дата обращения: 12.06.2016)).
5. Веллер М. Легенда о стажере // Легенды Невского проспекта. СПб.: Лань, 1995. С. 60.
6. Второе румынское государство во всем должно следовать за первым // <http://moldnews.md/rus/news/64324> (дата обращения: 14.02.2014).
7. Гагаузия обратилась к политическому классу страны с требованием. Власть запускает «боевых уток» // <http://edingagauz.com/content/view/7110/1/> (дата обращения: 13.06.2016).
8. Глава Гагаузии: мы поторопились с переводом гагаузского языка на латиницу // http://i-news.kz/news/2011/04/27/5200410-glava_gagauzii_my_potoropilis_s_perevodo.html (дата обращения: 04.05.2014.).
9. Грекус А. В Одессе похитили лидера «Народной рады Бессарабии» (дата обращения: 19.12.2015).
10. Губогло М. Н. Тяжкое бремя конкурирующих идентичностей. Опыт Приднестровья // Ежегодный исторический альманах Приднестровья, 2000, № 4. С. 33.
11. Губогло М. Н. Русский язык в этнополитической истории гагаузов. М., 2004. С. 84
12. Идейный вдохновитель «Республики Буджак» выдворен из Молдовы // <http://point.md/ru/novosti/obschestvo/idejniy-vdohnovitelj-quotrespubliki-budzhakquot-vidvoren-iz-moldovi> (дата обращения: 22.02.2015).
13. «Парламентское правящее большинство отвергло просьбу жителей села Ново-Троицкое» // Коммунист, 25 октября 2013 г. С. 13) и т. п.

- 14.«Педагоги за отставку правительства» (Заварская О. Педагоги за отставку правительства // Пульс, 25 сентября 2013 г. С. 14
- 15.Румынский язык признан государственным языком Молдавии // <http://ria.ru/world/20131205/982217874.html> (дата обращения: 06.12.2012).
- 16.Сепаратизм шагает по Украине: в Одесской области провозглашена республика Буджак. **Съезд, чреватый большими проблемами** // <http://vlkprf.ru/info/obsuzhdaetsya/24891> (дата обращения: **12.04.2016**).
- 17.Стратегия интеграции национальных меньшинств Республики Молдова на 2015–2020 годы//<http://www.vedomosti.md/news/strategiya-integracii-nacionalnyh-menshinstv-otvechaet-li-on>(дата обращения: **17.05.2016**).
- 18.Степанов В. П. Украинцы Республики Молдова... Кишинев, 2007; Грани идентичностей... Кишинев, 2010.
- 19.«Суд объявил незаконной ликвидацию русской гимназии в селе Олэнешть»//Русское слово, 20»13, № 9 (415).
- 20.Сухоруков **В. Гурвиц собирает правосеков. как убивали в доме профсоюзов.фото и видео расследование**//politikym.net/vuboru/na_odeshine_sobirayut_pravosekov1.htm (дата обращения: 28.12.2014).
- 21.Траян Бэеску обвинил Украину в «разделении румын на румын и молдаван»//<http://novostimoldova.ru/vmire/92-vmire/868-romani-moldoveni> (дата обращения: 14.02.2014).
- 22.Чеботарь П. А. Гагаузская художественная литература (50–80 гг. XX века). Очерки. Кишинев, 1993. С. 6-7.
- 23.Шорников П. М. Социально-политическое положение гагаузов в 20–40-х годах XX века//История и культура гагаузов. Кишинев, 2006. С. 313.
- 24.<http://sci-book.com/russkiy-yazyk/respublika-moldova-70020.html> (дата обращения: 20.05.2015).
- 25.Fruntaşulu. O istorieetnopolitica a Basarabiei: 1812–2002. Chişinău, 2002.

Сведения об авторе:

Степанов Вячеслав, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой социальной антропологии и этнонациональных процессов Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева.
vpstepanovpochta@gmail.com; тел.: +7903 881 18 14.

Статья рекомендована к печати членом редакционной коллегии, д.и.н. В.М. Аванесяном.